

103
Августин Абдулла

7

«Познакомьте меня с человеком, в котором говорят дурно. Наверное, он окажется не без достоинства, если так озлобился против него».

Вначале был искус помещать эту публикацию под громкой рубрикой «Из жизни знаменитостей». Ну, как же — Дубин! Чего-чего, а известности любому диктору-телевизионщику не занимать. Они входят в твой мир, как родственники, которых не выбирают. Как неизбежность. Как привычка к утренней чашке кофе, наконец. Знаменитость сама по себе притягательна. А быть знаменитостью — еще притягательнее.

Но для Дубина, экс-диктора высшей категории, все это — в прошлом. Обстоятельства сложились так, что восемь лет назад его «ушли». Он исчез с

экрана в одночасье, даже не успев попрощаться со зрителями, которые лицезрели его 23 года. Представляю после этой фразы ухмылку на лицах казанских телевизионщиков: нашла, мол, кого реанимировать. Человек давно умер для ТВ!

— Что верно, то верно. Искусству покаута мы обучены.

И вот — полнейшая метаморфоза. Не без доли сомнения и скептицизма вдруг узнаю о том, что бывший местный кумир «ударился в религию», совершил хадж в Мекку и теперь зовет себя не иначе, как Хаджи Абдулла ибн Ибрагим эль Хасан.

ский, Тимфеев, Жуков, Дунаев, Смирнов, Гусев... Ясно?

— Все-таки кому-то ты встал там полперек дороги, хотя пятая графа у тебя в порядке.

— Счастливым человеком — всем враг! Всех очень сильно волновала моя независимость. Почему я не спиваюсь, а работаю день и ночь?! И вот появляется постановление коллегии госкомитета — мне объявлен строгий выговор за, заметь, «не санкционированные администрацией встречи с телезрителями и работу еще в двух местах». Выговор этот становится основанием для проведения, как бы-

Сов. Татария. Казань. 1992. 19 сент. - с. 7

Экс - диктор Абдулла ДУБИН:

«Через это унижение стоило пройти»

Впрочем, в духовное перерождение я верю. Этому предшествует, как правило, сильнейшее потрясение, способное перевернуть с ног на голову жизнь и мировоззрение человека.

— Удивительно, Абдулла, то, что это произошло с тобой — человеком слишком светским и слишком избалованным, заласканным известностью. Человеком, катавшимся, как мне казалось всегда, как сыр в масле, поскольку не было, наверное, двери, которая не открывалась перед тобой. Что, падение было ужасным?

— Катарсис! Боже, что со мной творилось! Уже все было готово к обмену квартиры. Думал, уеду, чтоб глаза мои никого не видели. Ну, обидно же! Иметь великолепную служебную характеристику, за два десятилетия ни разу не прогулять, не опоздать, быть новатором в своем ремесле... Мне осталось только заказать контейнер. И вот один умный человек говорит мне: ты, мол, что, с ума сошел? От кого и от чего бежишь? Ты что, убил, изнасиловал, чего тебе стыдиться? Своим бегством ты только врагам своим дашь повод и пищу для сплетен. И точно уже какие только слухи не пошли: застрелился, повесился, уехал за границу. Смех!

Вот уж воистину: стоит унижаться, чтобы возвыситься. Если бы не этот конкурсный шабаш, который мне устроили мои «друзья» с телевидения, не видать бы мне никакой Мекки, а торчать в этом болоте, теряя остатки зрения.

— Слушай, а много ли ты сам знаешь людей переродившихся?

— Переродившихся? Возьми бывшего нашего ассистента режиссера Равиля Гайнутдинова. Сейчас настоятель Московской соборной мечети. Муфтий его на два года в Бухару отправлял — учиться. А вспомни Масгуду Шамсутдинову, композитора, — поразительное перерождение.

— Понимало, что все нутро человека из раскроешь, видимо, ты постиг что-то глубинное. А чисто внешне в чем выражается перерождение?

— В неукошительном выполнении заповедей. Надо находить время для совершения намаза — молитвы. Не забывать о посте, о зякате — милостыне. Постараться совершить хадж — паломничество в Мекку, на могилу пророка Мухаммеда...

— Ты получил удождление от хаджа?

— Да, и очень большое. Это состояние души я бы назвал ренессансом, возрождением. Словами тут ничего не передашь, это психологическое потрясение. Ты можешь представить одновременно миллион молящихся? Теперь представь огромную крытую мечеть, кругом кондиционеры, ковры, цветы, сосуды с зам-зам из святого источника... Ну, сказка, какой-то экстаз. А когда приближаешься к Каабе — святому камню, этой черной глыбе, аж внутри что-то переворачивается. Из глаз слезы льются.

— Это что, массовый психоз?

— Ты в мавзолее была? Коммунисты ведь тоже все свои реликвии и символы из религии взяли. Вместо мощей — мавзолеев, вместо церкви — дом политпроса, вместо Библии или Корана — устав КПСС, вместо рая — коммунизм. Теперь вспомни хронику партсъездов, «бурные и продолжительные овации» при виде восходящего на трибуну генсека, просветленные лица со слезами на глазах...

— Ты про Мекку скажи, Абдулла, ну почему люди плачут-то? Это что, шаг к собственному бессмертию, открытие какой-то космической истины?

— Не знаю, не знаю. Хотя, кстати, я ведь с детства рос в духовной семье, воспитывался на заповедях Аллаха. Вот почему каждый отпуск я приручивал к Курбан-байраму и

празднику Ураза — чтобы с отцом и братьями побывать в мечети.

— Слушай, ты так восторженно говоришь об этом, что завидно. Но у меня, например, к религии одно отношение и совсем другое — к ее служителям. Среди них тоже хватает и проходимцев, и дельцов.

— Согласен. Меня сейчас сильно тревожат внутренние распри и подводные течения в мусульманском мире, раскол в рядах высшего духовенства. Добром это не кончится, если не вмешаться простым верующим.

— А кем ты себя считаешь — проповедником?

— Если хочешь, называй так. Сейчас по линии общества «Знание» у меня несколько интересных тем. Две из них влютную касаются вопросов религии и отношения к ней. Усиленно пропагандирую новый стихотворный перевод Корана, его осуществила наша соотечественница Валерия Порохова. Проповедую заповеди божьи, так как сам следую им. Как-то мне одна женщина говорит: «Зачем вы подаете этому пропойце? Он ведь сейчас нажрется!» Ох, не суди и не судим будешь. Я подаю ради собственного очищения, ради памяти моих умерших родителей. А он ради чего принимает подаяние? Это его проблемы. Каждому — свое, понимаешь...

— Твоя популярность тебе сильно помогает? И вообще, ты пользуетесь ею?

— Популярность разная бывает. Это к тому, что Герострат тоже был знаменит. Меня, как правило, узнают — по голосу, физиономии. И если кому-то говорят «Подождите!», то мне, конечно, дверь открывают. Но не дай Бог воспользоваться намеренно своей популярностью. У нее, кстати, есть и обратная сторона.

Когда я остался безработным, подался в начальники теплоходного маршрута. От меня бедные туристы, как от Дубина, ждали, что я наведу шороха, всех прижму, буду ходить по струночке. Какое там! Культурорганизатор — девчонка «случайная», методист — ты ры-

ба ни мясо, баянист — при своих проблемах. Я к ним: «Товарищи дорогие! Люди в отпуске, хотя бы развлечений, ну хоть на пару часов выйдите из своих пенечер-кают на палубу!» А мне: «Да бросьте вы, Абдулла Ибрагимович, что вы из штанов лезете?! Они же туристы, скоро выйдут.» А как мне не лезть? Ну, конечно, начинаются слезы, выяснение отношений. В общем, плюнул я на это дело, переехал на астраханский маршрут, где меня никто не знал и не допекал пристальным вниманием. И трудился успешно.

— Сдается мне, болит у тебя душа по твоей профессии. Местную программу часто смотришь?

— Да нет, часто не получается. «Деловые новости» интересуют. А остальное смотреть — нервы не выдерживают. Много стало на экране людей случайных, бестолковых. Помнишь, была в мою бытность Наталья Иданова, прекрасная, телегеничная журналистка? Тоже съезди, не простили таланта. Воспользовались каким-то проступком и прогнали. Трагичной оказалась и судьба талантливого журналиста Юрия Зайцева — редактора популярного когда-то тележурнала «Вечерняя Казань». А Галина Зименкова? Тоже когда-то нашенская была...

Я, конечно, не ангел, не без недостатков, резковатым мог быть на рецензиях передач. Но ведь верно говорят: друг льстит, враг — растит. Губы на пупок вешать, что ли? Это не дело — обижаться на критику.

Профессионализма мало на нашем ТВ. Много подражания Останкино, Российскому каналу. Своего, национального, нет.

— Хотя татарская речь, скажу я тебе, не смолкает. Кстати, как ты относишься к суверенитету на ТВ?

— Как сказать доходчивее? Дикторское призвание мне подарил еврей — Юрий Левитан. К вершинам мастерства тянули Богомолов, Задачин, Высоцкая, Ярцев, Леонтьева, Бадашова, Кириллов. Съедали меня — сородичи-татары. На дерьма меня вытаскивали — Франков-

ло сказано в постановлении, «конкурса на должность т. Дубина А. И.», на котором, естественно, меня успешно проваливают.

Без оеда в том, что у нас на ТВ талант, призвание не всегда умеют и хотят сохранить.

Вот исполнилось десять лет, как умерла Ирке Сакаева. Умница была, великолепный диктор, от Бога. Ведь видели, что человек мается от незагруженности, просит дать справку на совместительство, чтоб не терять формы. Не дали. Она ушла в себя, в свою болезнь окончательно. Умерла в нищете, по сути, орошенная теми, кто вначале щедро подливал ей.

— На лекциях твоих люди интересуются, почему ты зовешь себя с приставкой «экс»?

— Конечно. И я не скрываю правды. Воистину, стоит пройти через унижение, чтобы возвыситься духом. Пусть мой опыт выживания поможет тем, кто пришел в отчаяние. А таких людей сейчас — тьма. Безработные, беженцы, брошенные старики. Нельзя давать обстоятельствам быть сильнее нас, важно сохранить рассудок, душу, какой бы тяжкий удар ни нанесла судьба.

Бог шлет больше трудностей тому, кого любит! Трудности делают Человека. А нынешнее время тем и прекрасно. Было время разбрасывать камни, теперь — время собирать. Играли хлебом в хоккей? Играли, было такое, сам тому свидетель. Короче, за что боролись, на то и напоролись. Не обессудьте!

Сейчас я живу в полной гармонии с самим собой. Я даже хотел бы знать, когда придет мой смертный час.

— Зачем это тебе, ведь потеряешь покой.

— Я смерти не боюсь. Мертвые не исчезают, лишь рядом быть перестают. Я — верующий, верю в дальнейшую свою жизнь. А в этой — хочется успеть довершить начатые дела. Сына и дочь на ноги поставить. Отдать все долги. И все это без спешки и суеты, понимаешь? Ранса ЩЕРБАКОВА.

важно оставаться людьми и обсто...

19.09.92

19.09.92

